

УДК 1: 3+ 007.51

И.В. Мелик-Гайказян

**«СОБЫТИЕ-В-ДЕЙСТВИТЕЛЬНОСТИ»
И «СОБЫТИЕ-В-РЕАЛЬНОСТИ»**

На основании категориального разграничения бытия, действительности и реальности, проведенного А.Н. Уайтхедом, и информационной трактовки преодоления хаоса как события введены понятия «события-в-действительности» (формирование кода) и «события-в-реальности» (создание способа совершения целенаправленных действий – оператора). Событие-в-реальности вызывает семантическая трансформация кода. Это определяет эффективное управление коммуникативной ситуацией как организацию события-в-реальности и устанавливает связь между синергетикой и семиотикой.

Ключевые слова: философия процесса, событие, информационный процесс, коммуникативные процессы, семиотика.

Цель статьи состоит в обосновании необходимости введения двух новых понятий – «событие-в-действительности» и «событие-в-реальности» – в лексикон описаний тех процессов, которые вызывают становление объектов, обладающих сложной системной организацией. В постнеклассическом лексиконе уже прочно укоренились термины «необратимость», «нелинейность», «нестабильность» и «неопределенность». Как выражения, начинающиеся с «не», эти слова даже при частом их употреблении плохо понимаются. Вместе с тем выяснение роли и места в процессах становления сложных систем того, что я называю «событием-в-действительности» и «событием-в-реальности», позволит с достаточной четкостью представить взаимосвязь необратимости, нелинейности, нестабильности, неопределенности и неустойчивости в механизмах динамики социокультурных систем.

Конструктивность обращения к терминам постнеклассического лексикона для понимания трансформаций социокультурных систем эксплицирована в исследованиях, в которых ответственность за тотальную культурную деградацию возлагается на современные информационные технологии и средства коммуникации (см., например: [1–4]). Однако внимательный разбор механизмов создания и действия новых технологий позволяют выявить онтологический шанс для оптимистического сценария развития социокультурных систем на общем фоне пессимистических прогнозов*. Приближение к обретению этого весьма малого повода для оптимизма возможно при совершении нескольких шагов.

Шаг первый. Существование человека в усложняющемся мире в первом приближении рассматривается в трех проекциях: в исходной коммуникативности бытия культуры; в действительности информационного общества, предоставляющего в распоряжение людей принципиально новые средства

* Исследования ведутся в рамках проекта РФФИ № 08-06-00109 «Технологии информационного общества: методология диагностики».

коммуникаций; во множестве *реальностей*, в условиях и в пределах которых наличествует жизнь человека. Одновременное рассмотрение человеческого существования в этих проекциях позволяет увидеть лишь сложившуюся беспорядочность коммуникативной ситуации, уподобляющую линии жизни людей хаотичным траекториям броуновских частиц. Преодоление иллюзии коммуникативного хаоса актуализирует то категориальное разграничение *бытия, действительности и реальности*, которое было выдвинуто А.Н. Уайтхедом: бытие есть потенциальность, есть все, что может быть; действительность есть то, что осуществилось, есть область «действительных происшествий»; реальность – это вариант воспринимаемой действительности. Для пояснения смысла этого разграничения я приведу следующий пример. То начало, которое получило название «Большой взрыв», создало физический мир с конечным набором мировых констант. Теперь уже известно, что эта *действительность* физического мира стала одной из 10^{50} возможностей, содержащихся потенциально в *бытии* до события Большого взрыва. Восприятие этой действительности реализуется как в широком спектре описаний становления физического мира, так и в еще более широком спектре возникших реальностей (минералогической, органической, биологической etc.), которые есть результат своеобразных рецепций физической эволюции различными подсистемами становящегося мира. Итак, существует сфера возможного – бытие; существует актуализированный вариант потенциального – действительность; существует вариант воплощений действительности – реальность. С этим разграничением бытия, действительности, реальности и связано создание А.Н. Уайтхедом философии процесса. Причем в универсальном процессе А.Н. Уайтхедом выявлено два основных его вида: макроскопический процесс и микроскопический процесс. Первый вид процесса – «это переход от достигнутой актуальности к актуальности в достижении» [5. С. 302], что тождественно конституированию действительности (или реальности), детерминированного результатом превращения потенциального в актуальное. Второй вид процесса – телеологический, на котором происходит «сращение»¹ многих сущностей, вызывающее создание новой «актуальной сущности» или совершение «актуального события» [5. С. 297]. Таким образом, бытие, действительность и реальность трактуются А.Н. Уайтхедом как макропроцессы, отделяемые друг от друга актуальными событиями как результатами микропроцессов.

Иными словами, рецепция многообразия мира есть рецепция реальности, которая является вариантом действительности, а эта действительность, в свою очередь, является одним из вариантов всех потенциальностей бытия. Начало действительности и начало реальности есть событие. Четких различий между событием, отделяющим бытие от действительности, и событием, отделяющим действительность от реальности, А.Н. Уайтхед не проводит. Смысл предлагаемых мною понятий «событие-в-действительности» и «со-

¹ «Сращение» (congruence) – термин А.Н. Уайтхеда, восходящий к тому, что Локк обозначал как «реальное внутреннее конституирование отдельно существующего» (цит. по: [8. С. 296]).

бытие-в-реальности» состоит в фиксации различий, воплощающих событийную смену отдельных стадий мира-процесса в метафизике А.Н. Уайтхеда.

Шаг второй. Философия процесса А.Н. Уайтхеда утратила метафизическую чистоту после ее воплощения И.Р. Пригожиным в программу своих конкретно-научных исследований. В числе весомых научных достижений реализации этой программы есть результаты, требующие уже философской рефлексии. Можно сказать, что философия процесса А.Н. Уайтхеда после своего вторжения в предметное пространство фундаментальных исследований вернулась, как бумеранг, в философию, отметив в качестве добычи новые направления философских исследований.

Для понимания действия механизмов нелинейной динамики сложных систем было важно определить состав признаков, по которым возможно разграничение событий и не-событий, т.е. повторяемых, а потому вполне предсказуемых явлений. Эти требования выявлены И.Р. Пригожиным [6], и, оставляя за скобками всю аргументацию их обоснования, я здесь их только перечислю.

Во-первых, события вызывают нарушение симметрии между прошлым и будущим, т.е. необратимо изменяют дальнейшую последовательность «действительных происшествий». Например, рождение новой звезды, которую мы теперь называем Солнцем, стало событием для глобальной эволюции. А вот наблюдаемые с Земли солнечные затмения есть явления, поскольку происходят с известной и полностью предсказуемой периодичностью. Следовательно, явление солнечного затмения к событиям не относится. Замечу, что разграничение явлений и событий входит в качестве одного из обоснований *необратимости* времени, которое в классической науке, умеющей изучать только мир явлений, понималось как иллюзия и плод человеческих аппроксимаций.

Во-вторых, событие – это то, что может быть, а может и не быть; может случиться, а может и не случиться. Их описание в терминах вероятности далеко не всегда корректно, поскольку совершению события предшествует хаотическое состояние, т.е. состояние, допускающее несводимое вероятностное описание. «Несводимое» – значит не допускающее перехода к описанию в терминах отдельных фазовых траекторий (обычный хаос) или отдельных волновых функций (квантовый хаос). Иными словами, событие – это абсолютно спонтанное «действительное происшествие», которое не противоречит детерминистическим законам, но и не выводится из них.

В-третьих, по утверждению И.Р. Пригожина, события обладают способностью изменять направленность и темп эволюции. Это значит, что события в той или иной степени становятся исходным пунктом нового развития и нового порядка.

В этих требованиях содержатся основания для понимания как взаимосвязи *необратимости* времени, роли *нестабильности* и сути *нелинейности*, так и того, что данную взаимосвязь образует, т.е. события. Итак, все множество потенциальностей, которое есть бытие, способно спонтанно реализовывать один из вариантов своих возможностей, что тождественно «скачку из потенциальности в актуальность», или событию. Событие становится результатом «сращения», в котором «универсум вещей приобретает индивидуальное

единство в результате подчинения «многих» из них конституированию «одной» новой вещи» [5. С. 297]. Во многом благодаря работам И.Р. Пригожина и его школы нам теперь ясен механизм «сращения». Сложные открытые системы могут переживать хаотические состояния, даже если внешнее воздействие на них остается неизменным. При этих состояниях любое случайное поведение элемента системы (так называемая флуктуация), не играющее роли в стабильном состоянии, способно «подчинить» себе поведение всех элементов системы (то, про что в конкретно-научных исследованиях говорят: микросостояние распространяется по всему объему системы и определяет макросостояние), что при особой согласованности этого поведения – когерентности – генерирует спектр новых вариантов порядка, а выбор одного из них воплощается в «новую вещь». Таким образом, создание «новой вещи» становится «действительным происшествием», необратимо отделяющим область всего того, что может быть (бытие), от действительности, которую образует выбранный вариант дальнейшего развития.

Итак, перечислю взаимосвязанные условия совершения события: а) состояние *нестабильности*, в котором царит *неопределенность* выбора системой будущего сценария своего развития; б) существование множества вариантов выхода из хаоса и непропорциональность малых воздействий вызываемым последствиям, что становится онтологическим объяснением *нелинейности*; в) способность элементов сложной системы *необратимо*, самопроизвольно и спонтанно переходить к когерентному поведению.

Шаг третий связан с пониманием того, в чем заключена сущность феномена информации. Из всей собранной коллекции дефиниций этого феномена [7], по моему убеждению, одно определение имеет содержательное пересечение и с пониманием процесса «сращения», и с трактовкой события в теории самоорганизации: *информация есть случайный запоминаемый выбор варианта из многих возможных и равноправных* [8]. В приведенном определении информации как выбора четко обозначаются условия этого выбора: а) выбор случаен; б) он совершается из многих возможных и равноправных (но не обязательно равновероятных вариантов); в) результат выбора запоминаем. Первые два условия напрямую связаны с тем требованием к событию, которое выражено словами «событие – это то, что может быть, а может и не быть; может случиться, а может и не случиться». Кроме того, указание на то, что выбирается вариант, а значит, все другие «многие возможные и равноправные» потенциальные варианты не будут осуществляться, соответствует трактовке А.Н. Уайтхедом события как превращения потенциального в актуальное. Третье условие – запоминаемость – нуждается в пояснении. С одной стороны, для тех ситуаций, в которых выбор совершает человек и какое-то время помнит его результат, казалось бы, комментарии излишни. Необходимость в комментариях можно счесть излишней для процесса запоминания биологическими объектами, а также для запоминания искусственными объектами, например компьютерами. С другой стороны, возникает проблема с объяснением процесса запоминания объектами неживой природы. Корень этой проблемы в том, что до работ И.Р. Пригожина практически все ученые, занимающиеся теорией информации, существование феномена информации связывали только с возникновением жизни. Это убеждение сильно и в на-

стоящее время. Несмотря на то, что основное содержание статьи составляет разъяснение коммуникативных процессов, разворачивающихся в социокультурных системах, считаю необходимым остановиться на трактовке запоминания в неживых системах. Данная необходимость вызвана тем, что одновременность ухода от акцентирования проблематичности трактовки запоминания в неживой природе и апелляция к результатам синергетики¹ были бы чистой воды редукционизмом. Вся сила и красота синергетики состоит в доказательстве гомоморфизма в механизмах самоорганизации сложных систем различной природы. Это, в свою очередь, создает условия для понимания происходящего в первом приближении на простых моделях, хотя данная «простота» весьма относительна. Что значит «запомнить» в тех системах, которые в обыденном смысле памятью не обладают? На физическом языке это значит привести систему в определенное устойчивое состояние. При этом возникает упорядоченность (структура), олицетворяющая нарушение прежней пространственной симметрии и установление новой, асимметричной и в то же время более упорядоченной формы координации частиц, из которых состоит система. Иными словами, запоминание выражает себя в том, что система фиксирует ее же совершенный выбор в изменении своей структуры. Итак, то, что в обсуждаемом определении обозначено словом «запомненный», в общей теории информации обозначается термином «фиксируемый». Таким образом, третье условие приведенного определения информации – запоминание выбора – реализуется в виде свойства информации, называемого фиксируемостью, что выражается в «записи» информации, не имеющей материальной природы, на материальном носителе.

Итогом *третьего шага* стало получение указания на информационный механизм совершения события. Я специально употребила слово «указание», поскольку доказательство этого утверждения требует дополнительных аргументов, которые будут приведены ниже. Вместе с тем указанная взаимосвязь трактовок события А.Н. Уайтхедом и И.Р. Пригожиным с феноменом информации необходима для привлечения следующего пункта в моем рассуждении.

Шаг четвертый. Для понимания специфики коммуникативной ситуации в современной культуре, что, напомним, инициировало данную статью, принципиальным стало утверждение У. Эко, что «в тот момент, когда мы сталкиваемся с проблемой передачи информации от одного человека к другому, теория информации становится теорией коммуникации» [9. С. 139]. Совокупность процессов передачи образуют процессы трансляции информации. Следовательно, механизмы процессов трансляции информации являются содержанием теории коммуникации. *Результатом этого последнего шага стала открывшаяся методологическая возможность видеть теорию коммуникации как частное выражение теории информации, а следовательно, применять философию процесса А.Н. Уайтхеда и философско-методологические следст-*

¹ Речь идет о выводах теории, которая называется либо пятью словами: «теория самоорганизации открытых сложных систем», либо четырьмя словами: «теория самоорганизации диссипативных структур», либо двумя: «нелинейная динамика», либо одним: «синергетика». Это не синонимичные названия, но для краткости я буду пользоваться самым лаконичным из них.

вия синергетики в качестве релевантных способов исследования коммуникативной ситуации.

Этот результат, достигнутый благодаря избранной мною траектории рассуждения, дает возможность представить коммуникативную ситуацию в новом ракурсе. Итак, обосновано [1], что современное коммуникационное пространство становится фактором не только трансформации культуры, но и ее деградации. В связи с этим, казалось бы, трудно найти повод для оптимизма, поскольку ситуация становится не подвластной какому-либо отдельному субъекту коммуникационного пространства. Вместе с тем совершенные четыре шага приводят к пониманию того, что в ситуации сильной неустойчивости случайное и малое воздействие способно изменить состояние всей системы. Данная неустойчивость амбивалентна: она одновременно угрожает антропологической катастрофой и предоставляет шанс человеку малым воздействием вызвать позитивную социокультурную динамику. Для того чтобы воспользоваться этим *онтологическим шансом*¹, необходима точность вмешательства в действующие механизмы коммуникативных процессов. Именно для понимания места и характера приложения усилий, управляющих ситуацией, нужно определение тех этапов динамики, для чего предлагаются понятия событие-в-действительности и событие-в-реальности, поскольку, во-первых, именно механизм совершения события дает шанс вмешаться в ситуацию и, во-вторых, эти события становятся «точками роста» действительности и реальности. Иными словами, необходимо обнаружить конкретное выражение того, что в современном коммуникационном пространстве является «точкой роста» реальности жизненного мира людей, вовлеченных в это пространство. Данная «точка роста» и есть событие-в-реальности, а его совершение необратимо трансформирует действительность, которая уже сложилась как следствие события-в-действительности. Необратимость этих событий образует подобие так называемых «двух непрозрачных границ» [3], отделяющих реальную ситуацию от всех потенциально возможных. Эти границы делают бессмысленным подробное рассмотрение реальности с целью выяснения возможностей управления ситуацией, поскольку их непрозрачность скрывает механизмы самоорганизации и действительности и реальности.

Таким образом, в задачи последующего рассуждения входит доказательство информационной сущности механизмов совершения событий и выяснение конкретных воплощений события-в-действительности и события-в-реальности для обозначения места приложения управляющих решений, которые способны вызвать позитивную динамику в современном коммуникативном пространстве.

Решение сформулированной задачи начну с изложения моего понимания сущности феномена информации, для чего акцентирую ряд обстоятельств.

Во-первых, уникальной для теории информации является работа В.И. Корогодина [10], в которой выявлена система свойств информации и обоснована системообразующая роль двух из них. В данном качестве выступают свойства *фиксируемости* и *действенности*. И, как было мною проде-

¹ А то, что это *онтологический шанс*, было обосновано в первых трех шагах.

монстрировано, свойство фиксируемости проявляет себя в трактовке информации, принадлежащей Г. Каствлеру, т.е. сведению существа феномена информации к результату случайного и зафиксированного выбора. Вместе с тем сам В.И. Корогодин осознанно исследовал феномен информации без обращения к выводам синергетики. Им была абсолютизирована трактовка информации, данная М. Эйгеном, который на основе разработанной им теории гиперциклов сводил весь феномен информации к результату отбора способов совершения целенаправленных действий. Этот способ (или алгоритм, программу, инструкцию) В.И. Корогодин назвал оператором и актуализировал второе ключевое свойство информации – действительность.

Во-вторых, каствлеровское определение информации Д.С. Чернавский счел исчерпывающим для всего феномена информации в целом [11]. Им же на основе теории неустойчивости строго обоснована оправданность определения Г. Каствлера, что позволило связать теорию информации и синергетику.

В-третьих, в сложившихся направлениях теории информации саму информацию выражают в качестве выбора, сигнала, программы, сведений, знания, негэнтропии, кода etc. Например, количественное выражение информации создано К. Шенноном для решения задач, связанных с передачей информации по каналам связи; существуют трактовки информации, отражающие операции кодирования как подготовки сигнала/сообщения в соответствии с форматом канала трансляции; работы Э. Янча и М. Эйгена положили начало пониманию информации в качестве инструкции, программы и алгоритма, используемых для исследования способов реализации информации. Все представительные направления теории информации сходятся практически только в одном, а именно в том, что информация есть результат выбора или отбора. Но тождество отсутствует как между отбором и выбором, являющимися процессами, так и между сигналом, программой, кодом etc., являющимися результатами отмеченных процессов. Таким образом, феномен информации предстает во многих обличьях, а все эти воплощения «не схватываются» в каком-либо одном определении.

Этот «разнойбой» может быть преодолен [7, 12, 13] только при обращении к философии процесса А.Н. Уайтхеда. На основании этой философии специфика процесса трактуется мною следующим образом: процесс есть чередование стадий, на которых «сращение» многих факторов подводит к формированию некоторого результата, а оформление достигнутого результата становится условием «перехода» к следующей стадии. Следовательно, каждая стадия «стартует» в зависимости от результата предыдущей стадии. Сегодня мы уже имеем основания для того, чтобы сказать, что разворачивание процесса вариативно, нелинейно и необратимо во времени, но для исследования феноменов, обладающих такими качествами, у науки до второй половины XX в. не было инструментов. Вместе с тем установленные взаимосвязи между достижениями фундаментальных исследований и философии процесса А.Н. Уайтхеда открывают возможность увидеть феномен информации во вполне определенной последовательности элементарных стадий: генерации информации, фиксации, кодирования, трансляции, создания способа реализации информации (построение оператора), редупликации информации и совершения целенаправленных действий. Элементарность перечисленных

стадий относительно, поскольку механизмы процессов¹ на каждой стадии достаточно сложны. Таким образом, я утверждаю, что феномен информации есть процесс, состоящий из строгой последовательности стадий, специфические результаты каждой из которых выражены в спектре конкретно-научных определений. Последовательность стадий определяется их принципиальной необратимостью во времени. В этом можно убедиться хотя бы на том основании, что создание сигнала, его передачу и получение нельзя поменять местами. Замечу, что простота этого примера не делает его банальным, поскольку кибернетические модели создавались на «круговой» последовательности трансформации сигнала и только понимание информации как процесса заставляет располагать его стадии на стреле необратимости. А сделать это возможно только на основе положения о необратимости времени, которое утверждает синергетика. В принципе в этом состоит суть разработанного мною информационно-синергетического подхода, раскрываемая в двух положениях: информация есть многостадийный и необратимый во времени процесс; информационные процессы есть механизмы самоорганизации сложных систем [7, 12, 13].

Напомню, что согласно А.Н. Уайтхеду события есть результаты телеологических микропроцессов, поэтому для доказательства информационного механизма совершения события мне осталось привести аргументы (обещанные в завершении *третьего шага*) телеологической причинности, действующей на определенных стадиях информационного процесса.

Правомочность определения, данного Г. Кастлером для информации, была подтверждена на основе математической модели эволюции ценной информации, при этом ценной является та информация, которая способствует приближению к цели [11]. В свою очередь, данная модель стала основанием для разработанной мною методологии моделирования процессов преодоления хаотического состояния, т.е. тех этапов динамики сложных систем, когда цель – выход из хаоса – становится причиной действия всех механизмов, определяющих функционирование системы [7]. Эта методология была верифицирована при исследовании феноменов, функционирование которых происходит под действием целевой причины, например утопии и мечты [13. С. 162–214].

Замечу, что модель эволюции ценной информации [11] создана Д.С. Чернавским вне всякой связи с работами А.Н. Уайтхеда. Это замечание имеет смысл, поскольку и в упоминаемой модели, и в описании А.Н. Уайтхедом телеологического процесса «сращения», приводящего к конституированию события, выделено по три стадии. У А.Н. Уайтхеда это «ответная фаза», «дополнительная стадия», «сатисфакция» [5. С. 298–299]; а в информационно-синергетической модели это стадии доминирования конъюнктурных, прогностических и асимптотических целей. Установленная корреспонденция этих стадий и будет доказательством информационного механизма совершения события.

¹ Результатом действия механизма каждой стадии становится соответствующее «обличье» информации, например результатом процессов генерации и фиксации – *информация как случайный запоминаемый выбор варианта из многих возможных и равноправных*.

Итак, при выходе из хаоса происходит конкуренция различных вариантов будущего порядка, достижение которого становится объективной целью системы. Выглядит это следующим образом. В системе, состоящей из множества элементов, существует конкуренция, например, трех вариантов будущего порядка. Первый из вариантов связан сиюминутным стремлением преодолеть неустойчивое состояние в настоящий момент. Этому соответствует так называемая конъюнктурная цель. Девиз следования конъюнктурной цели может быть определен словами «делай как все». Второй вариант подчинен достижению того будущего состояния, которое прогнозируемо на основании состояния, переживаемого в настоящем. Этому варианту соответствует так называемая прогностическая цель. Третий вариант будущего состояния таков, что в настоящем ничего не указывает на возможность его достижения, однако, как покажет дальнейшее, этот вариант является наилучшим для системы в целом. Этому варианту соответствует так называемая асимптотическая цель. Итак, в хаосе вариантов, в состоянии сильной неустойчивости в системе возникают три варианта будущего состояния, которые находятся в конкуренции друг с другом. Суть модели сводится к демонстрации того, что каждый из перечисленных вариантов имеет шанс одержать победу только на определенной стадии. Действие конъюнктурных целей конструктивно на начальной стадии, действие прогностических целей – на промежуточной стадии, а на завершающей стадии возможна победа варианта, диктуемого асимптотическими целями. Таким образом, прогрессивная эволюция, т.е. эволюция с повышением степени порядка, возможна только при «удачной» смене перечисленных вариантов. Осуществление этой «удачной» смены большая редкость, что, с одной стороны, демонстрирует необходимость существования мечты о прекрасном будущем (асимптотическая цель), а с другой – раскрывает причины крайне редкого осуществления мечты. Вместе с тем крайне редко происходит и то, что было названо событием.

В описании А.Н. Уайтхеда начало телеологического процесса, или стадия «ответная фаза», выглядит в качестве «рецепции мира как множества индивидуальных центров чувствования, взаимопредполагающих друг друга» [5. С. 299], что соответствует конъюнктурной стадии, на которой элементы системы становятся (в ответ на множественность вариантов выхода из хаоса) носителями информации о каждом из конкурирующих вариантов, входя в определенную кооперацию между собой. На следующей стадии информационно-синергетической модели происходит оформление возможных вариантов будущих состояний в уже четких границах следования прогностическим целям, т.е. целям уже видимого и прогнозируемого будущего порядка. Этой стадии соответствует выделяемая А.Н. Уайтхедом «дополнительная стадия», содержание которой «определяется индивидуальным идеалом, постепенно оформляющимся в самом данном процессе» [5. С. 299]. Завершающую стадию телеологического процесса – «сатисфакцию» – А.Н. Уайтхед характеризует как «исчезновение всякой неопределенности» при образовании актуальной сущности, «воплощающей решительное «да» или «нет» [5. С. 299]. Завершающая стадия в информационно-синергетической модели выражена в образовании одного состояния, достигаемого при следовании асимптотической цели, т.е. победе того варианта, который становится новым порядком,

обретаемым системой. Примером такого состояния является «победа» генетического кода, единого для всего живого, что иллюстрирует решительное «да» или «нет» как итог сатисфакции. Этот итог, фиксированный в коде, стал событием биологической эволюции. Более того, есть уже все основания утверждать, что *фиксация в коде* варианта выхода из хаоса (хаоса, в котором потенциально содержались все возможности этого выхода) есть *событие-в-действительности*.

В этом утверждении следует акцентировать одну особенность. Во всех системах, за исключением социокультурных, состояние «сатисфакции», или «победа» асимптотической цели, наступает на некоторое время – на время нахождения системы в обретенном устойчивом состоянии. В социокультурных системах достижение этого состояния достаточно условно, поскольку в этих сверхсложных системах возникающие варианты будущих порядков остаются «жить» на перифериях интеллектуального пространства. Эти варианты сводятся к стереотипам действий, образов и смыслов. Причем под влиянием конъюнктурных целей оформляются стереотипы *действий*, под воздействием прогностических целей – *образы* нового порядка, а под воздействием асимптотических целей оформляется понимание *смыслов* нового порядка вещей. То есть происходит оформление прообразов того, что в семиотике получит прагматическую, синтаксическую и семантическую трактовку форм знака. Следовательно, *информационная трактовка события-в-действительности позволяет установить принципиальную взаимосвязь между семиотикой и синергетикой*.

Совершение события-в-действительности в социокультурных системах есть образование кода, выражающего выбранный вариант сценария развития системы. Например, создание фонетического или иероглифического письма стало событием. Но никогда в истории культуры один код или один язык не становился единственным. Код или язык, как особая целостность знаковых форм, всегда определял и предопределял действительность *конкретной* социокультурной системы. Итак, создание кода есть содержание события-в-действительности в динамике социокультурных систем.

В широком смысле кодирование есть процесс такой подготовки сигнала/сообщения, которая соответствует формату канала трансляции для дальнейшей передачи. Подчеркну, что кодирование есть стадия информационного процесса, предшествующая стадии трансляции, а именно процессы трансляции были отмечены У. Эко в качестве предметного содержания теории коммуникации. Таким образом, свое начало коммуникативное пространство обретает в создании кодов. Выражение кодов в формах знака образует предметное поле семиотики. Следовательно, в семиотической действительности социокультурных систем процессы трансляции осуществляются по трем каналам, соответствующим свойствам знака: прагматике, синтактике и семантике.

Процессы трансляции осуществляется в диахроническом режиме (передача информации для длительного хранения) и в синхроническом (передача информации непосредственно адресату). Затем, соответственно, следуют процессы хранения информации и процессы декодирования, а результаты этих процессов позволяют осуществляться процессам избирательных вос-

приятый для отбора алгоритмов дальнейших действий на основе полученных сигналов, данных и сообщений. Итак, процесс трансляции охватывает *три* этапа в каждом из *трех* каналов. Некоторое время назад мне удалось обосновать [14–16], что результатом каждого из девяти элементарных процессов трансляции становится образование одной из девяти форм знака в классификации Ч. Пирса. Этот результат позволил трактовать коммуникативное пространство как фазовое пространство форм знака, а темп образования формы знака в когерентном действии каналов трансляции понимать в качестве параметра порядка коммуникативной системы. Достигаемое семиотическое состояние становится результатом работы всех каналов трансляции, что создает условия для построения оператора, т.е. способа совершения целенаправленных действий в коммуникативном пространстве. Таким образом, *теория коммуникаций охватывает процессы, разворачивающиеся между стадией кодирования информации и создания оператора*. Этот вывод в свое время был подтвержден тем, что все существующие модели коммуникаций нашли свое место в качестве частных случаев и фрагментов обобщенной модели информационного процесса [15, 17–18].

В социокультурных системах каналы трансляции осуществляют то, что Уайтхедом называлось «переносом символического воздействия», а в качестве его компонент им выделялись следующие «тройки»: «поверья, эмоции, обычаи»; «идеи, образы, эмоции»; «эмоции, намерения и вера»; «практический интеллект, теоретическое желание проникнуть в первичный факт и иронические критические порывы» [19]. Иными словами, в этом процессе транслируются выраженные в знаке стереотипы действий, образы и смысл, что соответствует прагматике, синтактике и семантике как трем направлениям измерения семиозиса [20]. Эти три направления и определяют форматы каналов трансляции информации в социокультурных системах. Замечу, что данные каналы формируют коммуникативную действительность и вряд ли передаваемые в ней «обычаи», «образы», «вера» подвластны оперативному управлению. Тем самым я хочу сказать, что процесс совершения события-в-действительности – это процесс, определявший прошлое и настоящее состояния системы, а потому возможность эффективного вмешательства в него уже упущена. Это соображение актуализирует выяснение конкретного воплощения события-в-реальности для обозначения места приложения оперативных управляющих решений.

Слова А.Н. Уайтхеда о необходимости адаптации к будущему, «всегда требующей новых форм выражения», отражают то, что происходит на стадии построения оператора. При этом он отмечает, что «успешная адаптация старых символов к изменениям социальной структуры – это конечная оценка мудрости в социологическом искусстве управлять государством. Также время от времени требуется переворот в символизме» [19. С. 45]. Слово «переворот» (в оригинальном тексте – «revolution») было прочитано мною как ясное указание на *событие*. Это событие связано с созданием нового символа в качестве средства управления социумом, а его новизна обеспечивается семантической компонентой. Следовательно, возникающий символизм как оператор социального действия и понятый в качестве события должен стать средством разрешения семиотического хаоса, царящего в коммуникативном

пространстве [1, 3]. Основанием для трактовки «переворота в символизме» в качестве события является выяснение имеющихся соответствий между этим «переворотом» и условиями совершения события, которые мы обсудили в *шаге втором*. А именно: событие должно быть случайным; оно должно преодолевать состояние неустойчивости и становиться результатом когерентного поведения всех элементов системы. Уайтхедом отмечается, что, во-первых, «перевороту в символизме» предшествует возникающая согласованность и одновременность во всех компонентах «сферы символической экспрессии», что соответствует условию когерентности. Во-вторых, потребность в «перевороте» диктуется «неустойчивой смесью тяготения и отвращения», преодолеваемой «при помощи прагматической апелляции к последствиям», «к будущему», что соответствует условию, при котором микросостояние может подчинить себе макросостояние. В-третьих, условие случайности «переворота в символизме» выражено в том, что он «может (или не может) войти в сознание» тех, на кого направлено воздействие символизма: «единственная трудность в объяснении моей мысли состоит в том, что лично воздействующий символизм состоит из различных типов экспрессии, которая пропитывает общество и вызывает чувство общей цели. Это самая важная деталь» [19. С. 55]. Создание нового символа способно стать событием, определяющим новую реальность социокультурных систем. Это событие возникает на стадии, на которой происходит построение оператора, что в принципе согласуется с трактовкой Уайтхеда «переворота в символизме» в качестве способа управления социумом. Таким образом, работа трех каналов трансляции, определяющих социокультурную действительность, может быть использована для совершения *события-в-реальности*.

Вооружившись всеми изложенными аргументами, можно привести примеры события-в-реальности, необратимо отделяющего действительность прежнего символизма от реальности новых восприятий происходящего. Например, стиль ампира был способом выражения триумфальных побед Наполеона и его имперских амбиций, изменивших структурность жизни не только Франции. Ампира, проникая во все области искусства, должен был в явной форме убедить общество того периода в необратимости происходящих изменений. Причем этот стиль вбирал в себя и символику императорской власти Древнего Рима, и символику меровингского происхождения, ясно указывая как на истоки культурной традиции, так и на неизбежность смены «лилий» на «наполеоновских пчел». Заметим, что происходит напластование смыслов и осуществляется преемственность в семиотических структурах, т.е. прежде всего «задействуются» диахронические трансляции.

Следующий пример «принадлежит» синхроническим трансляциям. После бескровной оккупации Дании гитлеровскими войсками новая исполнительная власть велела всем евреям носить желтую повязку на рукаве и шестиконечную звезду на верхней одежде. Король Дании, не предотвративший в силу понятных причин оккупацию, оказал сопротивление этому распоряжению, осуществив «переворот в символизме». На следующий день король и все его придворные вышли прогуляться по улицам Копенгагена с желтой повязкой на рукаве и шестиконечной звездой на верхней одежде. Замечу, что в обоих примерах «переворот в символизме», или событие-в-реальности,

осуществлялся при наполнении иным смыслом знаков, обозначающих действия и образы. Иными словами, *событие-в-реальности* вызывается проникновением новой семантики в действующий оператор.

Подведу итог приведенного рассуждения. Преодолевая состояние сильной неустойчивости, система совершает случайный выбор одного из возможных вариантов обретения устойчивости. Этот выбор есть событие, необратимо отделяющее потенциальность всех возможностей от актуальной действительности. Механизм совершения этого события есть процесс генерации информации, а результат данного процесса требует фиксации выбранного системой варианта выхода из хаоса. Сама фиксация требует соответствующего кода. Результат кодирования варианта выхода из хаоса становится содержанием события, отделяющего всю потенциальность от реализации одной возможности, что соответствует уайтхедовскому определению действительности. Таким образом, создание кода, предопределяющего действительность, есть *событие-в-действительности*.

Вместе с тем информационный по своей сути процесс выбора сопряжен с информационным же процессом отбора, а в своих свойствах информация наряду с фиксируемостью имеет свойство действенности, которое проявляет себя в обретении способа совершения целенаправленных действий. Обретаемый способ выражает адаптацию к действительности, использование ресурсов действительности и восприятие действительности – все то, что А.Н. Уайтхед определял как реальность. Создание этого способа, или создание оператора, отделяет действительность от реальности, а согласно обоснованиям А.Н. Уайтхеда является телеологическим микропроцессом сращения много в одно, т.е. является событием. Данное событие, выраженное в способе достижения цели, есть *событие-в-реальности*. Все сказанное позволяет сделать следующий вывод: с позиции информационно-синергетического подхода сращение результатов генерации, фиксации и кодирования информации создает *событие-в-действительности*, а сращение результатов трансляции информации и построения оператора создает *событие-в-реальности*.

Итак, в начале статьи было обещано, что совершение четырех шагов может привести к обретению повода для оптимизма в общем хоре пессимистических прогнозов для деградирующей в тисках глобального коммуникационного пространства культуры. Итогом изложенных четырех шагов стало обоснование возможности междисциплинарного синтеза синергетики, теории информации, теории коммуникаций и семиотики. Нахождение в этой исследовательской позиции дает возможность установить границы коммуникативного пространства, зафиксированные, с одной стороны, событием-в-действительности (результат процесса кодирования), а с другой – событием-в-реальности (результат построения оператора). Установленные границы позволяют содержательно определить собственно коммуникативное пространство как фазовое пространство форм знака, а следовательно, и способы управления им [16].

В первом приближении этих способов три. Существует возможность управлять событиями-в-действительности. Именно к этому управлению призывают те, кто пытается «обуздать» новые информационные технологии.

Действительность современной культуры задана созданием новых коммуникационных средств. Их появление стало событием-в-действительности. Это событие определило состояние семиотического хаоса, наблюдаемого в каналах трансляции и угрожающего поглотить все культурные формы и нивелировать разнообразие культур. Однако это стало данностью культуры. Управлять событиями-в-действительности подобно управлению прошлым, что освоено в практике технологий манипуляции. Такое управление дает сиюминутные результаты, но рано или поздно оплачивается еще более тяжелыми последствиями. Остается простор для реализации технологий коммуникативного менеджмента, т. е. для управления настоящим. Это наиболее хлопотный способ управления, поскольку здесь возникает необходимость в мониторинге измерений параметров порядка коммуникативных систем. При этом возможности оперативного управления коммуникативными процессами в режиме синхронии становятся ничтожными. Самым эффективным я считаю управление событиями-в-реальности, поскольку это дает возможность управлять будущим. Изложенные в статье рассуждения были призваны вызвать убеждение в существовании такой возможности, поскольку хаотическое состояние есть преддверие и условие рождения нового порядка. Таким образом, существует шанс использовать семиотический хаос, вызванный внедрением коммуникационных технологий, как условие для нового взлета и создания новой реальности. Этот шанс одновременно и мал и подлинен. Он становится вызовом для интеллектуальной элиты, поскольку только она способна реализовать этот шанс, предложив и угадав то, что станет событием-в-реальности, устанавливающим новые асимптоты культурных смыслов.

Литература

1. Мировов В.В. Глобальное коммуникационное пространство как фактор трансформации культуры // Вопросы философии. 2006. № 2. С. 27–43.
2. Юдин Б.Г. Чтоб сказку сделать былью? (Конструирование человека) // Бюл. сиб. медицины. 2006. Т.4, № 5. С. 7–19.
3. Гиренок Ф.И. Антропологическая катастрофа [Электронный ресурс] // Режим доступа: <http://religion.russ.ru/society/20020125-girenok.html>.
4. Сибрук Д. Культура маркетинга, маркетинг культуры. М.: Ад Маргинем, 2005.
5. Уайтхед А.Н. Избранные работы по философии // Сост. И.Т. Касавин. М.: Прогресс, 1990. С. 272–303.
6. Пригожин И.Р., Стенгерс И. Время, хаос, квант: Пер. с англ. М.: Прогресс, 1994.
7. Мелик-Гайказян И.В., Мелик-Гайказян М.В., Тарасенко В.Ф. Методология моделирования нелинейной динамики сложных систем. М.: Физматлит, 2001.
8. Кастлер Г. Возникновение биологической организации: Пер. с англ.; Под ред. Л.А. Блюменфельда. М.: Мир, 1967.
9. Эко У. Открытое произведение. Форма и неопределенность в современной поэтике: Пер. с ит. СПб.: Академический проект, 2004.
10. Корогодин В.И. Информация и феномен жизни. Пушкино: АН СССР, 1991.
11. Чернавский Д.С. Синергетика и информация. М.: Знание, 1990.
12. Мелик-Гайказян И.В. Информационные процессы и реальность. М.: Наука: Физматлит, 1998.
13. Мелик-Гайказян И.В., Петрова Г.И., Лукьянова Н.А. и др. Миф, мечта, реальность: постнеклассические измерения пространства культуры; Под ред. И.В. Мелик-Гайказян. М.: Научный мир, 2005.

14. Мелик-Гайказян И.В. Методология моделирования взаимосвязей необратимости, сложности и информационных процессов культуры // Бюл. сиб. медицины. 2006. Т. 5, № 5. С. 101–114.

15. Лукьянова Н.А., Мелик-Гайказян И.В. Структура коммуникативного пространства культуры // Системные исследования культуры. 2008. СПб.: Алетей, 2009. С. 306–327.

16. Мелик-Гайказян И.В. Бумеранг конструирования: траектория полета в коммуникативном пространстве // Конструирование человека. Томск: Изд-во Том. гос. пед. ун-та, 2008. Сер.: Системы и модели: границы интерпретаций. С. 114–158.

17. Мелик-Гайказян И.В. Методологические основания создания обобщенной модели коммуникации // Вестн. Том. гос. пед. ун-та. Сер.: Гуманитарные науки (философия и культурология). 2006. Вып. 7. С. 37–43.

18. Мелик-Гайказян И.В. Границы коммуникативного пространства // Коммуникация и конструирование социальных реальностей. СПб., 2006. Ч. 2.

19. Уайтхед А.Н. Символизм, его смысл и воздействие. Томск: Водолей, 1999.

20. Моррис Ч.У. Основания теории знаков; Знаки и действия // Семиотика: Антология. М.: Академический проект; Екатеринбург: Деловая книга, 2001. С. 45–97; 129–143.